

Жизнь графа Каспара Штернберга, описанная им самим (Продолжение)¹

К.М. фон Штернберг

1805

При поддержке Бонапарта кардинал Капрара² вел переговоры о присоединении капитулов Майнца и Регенсбурга к объединенному Капитулу метрополии и о поставлении эрцканцлера князем-епископом Регенсбурга, ибо епископ Шроффенберг скончался. Сам Папа чувствовал себя неудобно, и кардиналы, думавшие более всего о том, чтобы как можно меньше принимать решений, тянули, как могли, время к величайшему смущению вечно спешащего эрцканцлера. В конце концов, 30 января собралось нечто вроде Consistorium³, князь-эрцканцлер облачен в присланную от папы мантию, и 4 февраля была готова булла об объединении обоих соборных капитулов, которая, однако, не совсем отвечала высказанным пожеланиям; обо всем остальном речь и вовсе не шла. Кардинал Капрара еще раньше предупредил эрцканцлера об этих обстоятельствах, и еще 23 января тот передал императору Наполеону ноту о необходимости назначения коадьютора⁴ и дал мне собственноручно подписанную копию этой ноты. Поскольку у меня было все же достаточно возможностей почувствовать дух, в котором велись эти переговоры, когда никто не относился к ним серьезно, кроме доверчивого князя-эрцканцлера, я запер эту копию в свой ящик для писем. Чтобы кто-нибудь не прочел ее раньше, чем через 18 лет, когда я позволил напечатать ее в качестве акта немецкой церковной истории вместе с латинским сочинением эрцканцлера и папской буллой в

«Ходе новейшей церковной истории» Иоганна Северина Фатера (т. II, 1822, с. 5)⁵.

Кардинал Капрара и Папа Пий VI (сидит)

Представившуюся мне возможность посетить вновь Париж я не оставил неиспользованной. Через Александра фон Гумбольдта и генерала Румфорда⁶ я смог познакомиться с Лапласом,

¹ Начало см. в: *Lethaea rossica*. – Т. 7. – С. 59–63; Т. 8. – С. 53–61; Т. 9. – С. 68–78; Т. 10. – С. 74–84.

² Джованни Батиста Капрара (1733–1810) – итальянский политический деятель, кардинал Римско-католической церкви (*Ред.*).

³ Учреждение, совет по управлению епархией при правящем епископе (*Ред.*).

⁴ Назначаемый Святым Престолом помощник епископа, имеющий епископское звание, но не являющийся главой епархии (*Ред.*).

⁵ Joh. Sever. Vater's *Aufbau der neuesten Kirchengeschichte* (Bd II, 1822, S. 5).

⁶ Бенджамин Томпсон Румфорд, граф (1753–1814) – известный английский физик и изобретатель, общественный и государственный деятель ряда стран, генерал, уроженец американского штата Массачусетс. В 1784–1798 годах на службе герцогства Бавария, где одно время занимал пост военного министра. С 1802 года жил в Париже, женившись на вдове знаменитого химика А.Л. Лавуазье (*Ред.*).

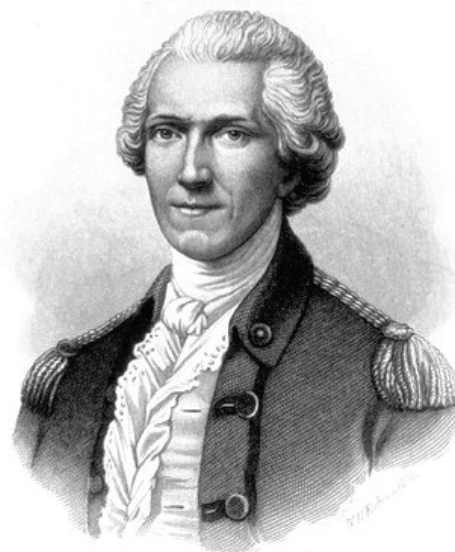

Пьер Симон Лаплас

Александр фон Гумбольдт

Бертолле⁷, Ласепедом⁸, Кювье и большинством академиков. Чаще всего я посещал ботаников Вентена⁹, Дефонтена¹⁰, Декандоля, Дю Пети-Туара¹¹, Туэна¹² и получил в соответствии с либеральным образом мысли французских естествоиспытателей доступ к их коллекциям и библиотекам, даже когда их не было дома. У Туэна я познакомился с Фожасом де Сен-Фоном¹³, который отвел меня к своей собственной коллекции, чтобы показать отпечатки растений, в большинстве своем из Англии. По этому случаю я вспомнил, что видел похожие в коллекции моего брата из его угольных шахт; мы поговорили об этом. Тут Фожас принес две немецкие работы об ископаемых растениях с просьбой перевести их для

Бенджамен Томпсон Румфорд

⁷ Клод Луи Бертолле (1748–1822) – выдающийся французский химик, член Парижской академии наук (Ред.).

⁸ Бернар Жермен Этьен де ла Виль, граф де Ласепед (1756–825) – французский зоолог, ихтиолог и государственный деятель, член Парижской академии наук (Ред.).

⁹ Этьен Пьер Вентена (1757–1808) – французский ботаник и миколог, член Парижской академии наук (Ред.).

¹⁰ Рене Луи Дефонтен (1750–1833) – французский ботаник, в 1804–1805 годах Президент Парижской академии наук (Ред.).

¹¹ Луи Мари Обер дю Пети-Туар (1758–1831) – французский ботаник, член Парижской академии наук (Ред.).

¹² Андрэ Туэн (1747–1824) – французский ботаник, ученик Б. де Жюссье (Ред.).

¹³ Бартеlemi Фожас де Сен-Фон (1741–1819) – французский геолог, до Великой французской революции – королевский комиссар по горному делу (Ред.).

него: это были «Флора Древнего мира», Тетрадь 1, Шлотгейма¹⁴ и мое сочинение из «Ботанических записок» Хоппе об ископаемых листьях из Рошсова. Когда он это услышал, мы тут же стали друзьями, как будто уже жили когда-то вместе на другой планете. Теперь он терзал меня осмотреть парижские гербарии с тем, не смог бы я найти там какие-то папоротники, аналогичные иско-

¹⁴ Schlotheim E.F. von. Beschreibung merkwürdiger Kräuter-Abdrücke und Pflanzen-Versteinerungen. Ein Beitrag zur Flora der Vorwelt. Erste Abteilung. – Gotha: Beckersche Buchhandlung; Grimma: G.J. Göschen, 1804. – 68 S., XIV Taf. (Ред.).

Клод Луи Бертолле

Бернар Ласепед

Огюстен Пирам Декандоль

Жорж Кювье

Рене Луиш Дефонтен

Луи Мари Обер дю Пети-Туар

Бартелеми Фожас де Сен-Фон

Андрэ Туэн

паемым папоротникам Шлотгейма. Этим я занялся с удовольствием; и когда завершил работу, написал Фожасу, который поместил мое письмо в «Annales du Museum». Эта маленькая работа и призыв Фожаса посвятить себя изучению ископаемых растений собственно послужили первым толчком к моим последующим изысканиям в этой области, которые должны были, однако, осуществиться лишь после грядущих событий. У Дюпона я много занимался трудным родом роз. В Мальмезоне я познакомился с императрицей

Императрица Жозефина

Жозефиной, которая страстно любила ботанику и имела в Мирбеле весьма ученого садовника. Она позволила мне выбрать в ее саду рассаду нидерландских растений; взамен я почтил ее центурией собранных мною немецких альпийских растений. Из этой поездки я привез больше добычи, чем добряк эрцканцлер, чья последняя нота осталась без ответа.

Совсем другие мысли занимали уже тогда дух императора Бонапарта. Внимание всего дипломатического корпуса привлекло замечание о кордоне против желтой лихорадки, сделанное императорскому послу графу Концелю, которое в кругах Тюильри было высказано столь громко, что все мы его слышали. Обе стороны были во всеоружии, разразилась война и закончилась позорной сдачей Ульма. Для эрцканцлера она все же не осталась без последствий. В приливе немецкого патриотизма, вопреки совету своего министра Альбини, он повелел подготовить направленную против Бонапарта ноту о диктатуре над Рейхом, которая произвела очень слабое впечатление на Австрию, ничем не помогла доброму делу, а его сделала подозрительным в глазах императора Наполеона.

Папские буллы были доведены до сведения обоих капитулов. Эрцканцлер лично, с согласия капитулов, разработал план слияния и послал его в Рим, где он предположительно должен был лежать долго и тихо. Первого мая он отправился в Ашаффенбург, а 27 мая с обычными церемониями, в присутствии многих друзей и хороших знакомых к моему садовому дому сделали крышу. В сентябре месяце я ездил в Богемию к брату. Вме-

Австрийский генерал Мак сдается Наполеону после поражения в битве при Ульме

сте мы предприняли экскурсию через Богемский лес, чья флора описана в «Ботанических записках» Хоппе. 26 октября я снова возвратился в Регенсбург.

Вторая часть военной кампании была не более удачной, чем первая. После битвы при Аустерлице император Александр со своими русскими был снова отослан домой, последовало перемирие, а затем заключен Прессбургский мир, который подвиг Бонапарта к «деланию королей» и к новым грабежам земель Рейха и австрийских провинций. Если бы пруссаки после прохождения французских армий через маркграфства взяли вместо пера за меч, ибо они могли предвидеть свою будущую судьбу при занятии французами Северной Германии, то Австрии и германскому Рейху это сэкономило бы массу денег и крови. Но тогда, возможно, Бонапарт бы не пришел в Москву и не умер на острове Елены; и этот урок, кажется, входил в планы Провидения.

Тем временем Бонапарт еще и вел переговоры о женитьбе своего пасынка Евгения Богарне; король Баварии должен был уравновесить свое королевское достоинство и увеличение своего государства браком одной из дочерей. Королева, которая всем сердцем ненавидела Бонапарта, все же выступила против. Но она приходилась ре-

бенку лишь мачехой и должна была подчиниться политическим резонам министерства. Император Наполеон поехал с Евгением Наполеоном из Вены прямо в Мюнхен, и князь-эрцканцлер был вызван туда, чтобы благословить молодых; поэтому он тут же выехал. При первой встрече император показал, что очень раздражен вышеупомянутой нотой; эрцканцлер настоял на том, что его достоинство в качестве эрцканцлера и защитника законов сделало неизбежным такое поведение. Бонапарт, который намеревался использовать его и дальше и злоупотреблять им, придал спору шуточный оборот, закончив его словами: «Allons, il n'y a rien à faire avec Vous, Vous êtes un idéologue»¹⁵.

1806

К церемонии 14 января архиепископ повелел прибыть из Регенсбурга в Мюнхен настоятелям обоих соборов – барону Фраунбергу и мне. Венчание состоялось в дворцовой часовне, архиепископ произнес речь, довольно лестную для Наполеона: я стоял как раз напротив императора,

¹⁵ Что ж, ничего с Вами не поделаешь, Вы – идеолог (фр.).

Евгений Богарне

Император Наполеон

внимательно смотрел на него и видел очень явно в светлеющих чертах его лица, как сильно действует на него этот фимиам. На следующий день вся баварская знать должна была быть представлена молодым и императору в соответствии с предписанной Бонапартом церемонией. Под балдахин на престоле сидели: император между королевой и невестой, король рядом с королевой, жених рядом с невестой. Перед престолом должны были пройти сначала дамы, затем

господа и сделать по пять книксенов. Это была одна из самых смешных придворных сцен, на которых я когда-либо присутствовал. (Благодарение Небу, только зрителем!) Я думал, что нахожусь в Китае. Король, тогда еще курфюрст, который до смерти ненавидел все церемониальное, при этом почти заснул, если бы две дамы не наступили на шлейф друг другу, из-за чего так потеряли равновесие, что едва не скатились к подножию престола.

После этого эпизода последовало объявление Прессбургского мира, который обрушил еще часть руин немецкого Рейха, оставшихся после роспуска депутатий. Любому непредвзятому наблюдателю должно было стать ясным, что пока военное счастье не сложится по-другому, внутреннее устройство Германии и церковная иерархия отданы полностью в руки императора Франции, у которого, по-видимому, не имелось здесь никаких других интересов, кроме прямо отвечающих планам. Но князь-эрцканцлер тешил себя надеждой именно на эту монопольную власть, чтобы реализовать свои идеи.

Хотя переговоры с посланником Папы делла Дженгой¹⁶ (позднее Папой Львом XII) о конкордате для Германии развалились, эрцканцлер раз за разом передавал посланнику свой план комбинации капитула метрополии с выбором коадьютора, чтобы передать его в Рим и ускорить решение. Об этом он также сообщал австрийскому и французскому дворам. В последние дни января эрцканцлер вызвал меня к себе и рассказал, о чем ведет переговоры с посланником Папы Дженгой и о том, что он предложил для выборов коадьютора из соборного капитула Майнца графа Фридриха Штадиона, а из соборного совета Регенсбурга – меня. Не входя в обсуждение, я испросил время на размышление и разрешение ответить письменно. Я объяснился с графом Штадионом, который полностью разделял мои взгляды, что выполнение этого плана в тех обстоятельствах было совершенно невозможно, и тотчас пожелал мне отговорить эрцканцлера от этой идеи. Тут я написал записку, в которой последовательно развил свои взгляды на положение вещей, и закончил следующими словами:

«Вера в сохранение высшего духовенства в смысле приобретения более высокой духовной должности, как при прежнем устройстве Рейха, не пустила в моей душе глубоких корней. Вера в

¹⁶ *Аннибале граф делла Дженга* (1760–1829) – католический священник (1783), каноник собора Святого Петра в Риме. С 1794 года на дипломатической службе Святого Престола, в 1816 году – кардинал и Викарий Рима, с 1823 года до кончины – Римский Папа Лев XII (*Ред.*).

Граф делла Дженга

сохранение какого-то *немецкого* государственного устройства тает на глазах с каждым днем. Я имел честь сопровождать Вашу княжескую милость в Париж и заметил там, как мало поддержки может ожидать от Рима немецкий эрцканцлер и глава метрополии. Я имел честь сопровождать Вашу княжескую милость в Мюнхен и убедился там, что сохранение должности князя-эрцканцлера, чью ликвидацию торопят с многих сторон, основано на личности Вашей княжеской милости и отношении к ней императора Франции. Регенсбург, вследствие своего географического положения, всегда остается предметом вожделений для Баварии, даже если в этот раз это тайное желание не выражают вслух. Князь-эрцканцлер как хранитель законов находится в незаконном временном пространстве, где всё пытается не подчиняться законам — неудобный остаток более не существующего государственного устройства. В этих обстоятельствах и именно в тот момент, когда обманчивый мир для Южной Германии и еще не оконченные переговоры о Германии Северной позволяют ожидать очень скорых крупных изменений в немецком государственном устройстве, нужно ли организовывать совет метрополии и назначать коадьютора для якобы сохранения государственного устройства Рейха?» и т.д., и т.д.

На случай, если, игнорируя сказанное, дело дойдет-таки до назначения коадьютора, я доба-

вил в качестве условия полный отказ Баварии от всех претензий на Регенсбург. 2 февраля я передал эту записку, а 6-го получил ее назад с резолюцией, которая свидетельствовала о согласии эрцканцлера со всеми ее идеями. Тем самым, я закончил дело в полном убеждении, что это больше не будет обсуждаться.

Во время этих переговоров мимо Регенсбурга тянулись массы возвращавшихся из Австрии французских войск, но не к Рейну, а чтобы со всех сторон охватить прусское государство и приблизиться к маркграфским областям, которые Бонапарт отвел Баварии. Не принимая этого во внимание, эрцканцлер занимался делами княжества Регенсбург с той же верой в будущее. Неподалеку от того места, где был похоронен Кеплер, напротив моего садового дома, должен был — по подписке — быть возведен монумент этому великому астроному. Воззвание о подписке, подписанное министром Бадена бароном Плессеном, советником земельной директории Безнером и мною, было напечатано 1 февраля, сумма подписки в короткое время собрана, план строительства 2 апреля предложен, утвержден, строительство часовни начато, бюсты Кеплера у Деля в Готе и барельеф у Даннекера в Штутгарте заказаны, и растительность по плану высажена. Уже на исходе осени эрцканцлер затребовал у меня предложения по созданию естественнаучной академии в Регенсбурге, которые я, разумеется, ему представил; 5 апреля последовал декрет о реальном создании Академии. Поскольку для нее не нашлось более подходящего места, чем мой садовый дом, эрцканцлер высказал пожелание его купить, на что я согласился, но при условии, что за мной, пока я жив, в нем останется во владении свободная квартира.

Об этом я написал 19 марта моей кузине графине Луизе Штернберг:

«Со времени капитуляции Ульма дела резко изменились; несчастный Прессбургский мир и соглашения Вены и Парижа с Пруссией полностью расстроили наше положение. Сейчас вся Германия находится в кризисе, который изменит все политические отношения. Германские народы не могут более образовывать союз и до нового распоряжения обладать чем-то иным, кроме совершенно федеративного устройства. Тем самым при таком зависимом существовании имперский эрцканцлер становится чем-то экстраординарным, как и преимущественные права Регенсбурга. Карл Дальберг, через свои личные связи, возможно, и сохранил их в неприкосновенности при своей жизни, но ничто не обещает продолжительного существования. При этих новых отношениях фантазии на тему моего пред-

Франц Вальдштейн

приятия, которым я позволил разыгаться слишком легко, превратились в глупость; поэтому я взвесил обстоятельства и замедлил работу. Как человек достаточно деликатный и добрый, чтобы судить о моем положении, и убежденный в том, что я по большей части был захвачен импульсом, который он придал всему Регенсбургу, считая, что я не могу оставить дело незаконченным, и желая предоставить мне для этого средства в честной манере без того, чтобы употребить для этого свои возможности, курфюрст предложил мне купить у меня этот дом для Академии наук, которую он желает основать и в которой я предназначен стать президентом. Предварительно мы договорились, что платеж будет осуществлен в течение 8 лет через резервный фонд, что я обязан закончить здание, которое будет предназначено для заседаний, и что после завершения строительства я выставлю счет. При этом я сохраняю за собой пользование садом и квартирой в доме до конца моей жизни, а после моей кончины мои коллекции и моя библиотека станут собственностью Академии. На этих условиях курфюрст сам составит контракт, и, не зная будущего, я счел своим долгом этому способствовать» и т.д.

В то время как мы, таким образом работали над украшением Регенсбурга, переговоры с Северной Германией приняли дурной оборот, и император Наполеон выработал новые планы, для воплощения которых он хотел злоупотребить эрцканцлером. Чтобы заполучить его теперь полностью в свои руки, нужно было сначала подтолкнуть его на действие, которое должно

было отдалить от него его друзей и поставить под сомнение его прогерманский характер. Для этой цели была пущена в ход специальная интрига. Чтобы испугать князя, слухи о настойчивом стремлении Баварии предъявить императору Наполеону свои права на Регенсбург получили быстрое распространение. Князь обратился к французскому министру Эдувиллю, который собственно и возглавлял эту интригу вместе с шевалье де Варикуром (придворный кавалер эрцканцлера, который вел его французскую корреспонденцию). Эдувилль заверил его в поддержке императора, но обратил его внимание на то, что он не получил ответа по поводу объединения капитулов и выборов коадьютора ни от Рима, ни от Вены. Когда же посчитали, что воображение князя было достаточно возбуждено, Эдувилль выступил с предложением, которое, как он себе представлял, годилось исключительно для того, чтобы навсегда покончить с существованием княжества Регенсбург. Formalia: чтобы положить конец интригам Баварии и вызвать у императора французов непосредственный интерес в сохранении Регенсбурга под властью эрцканцлера империи. А конкретно – предложить на должность коадьютора кардинала Феша. С непонятным легкомыслием сангвинический характер Дальберга воспринял это предложение; в полной тайне секретарь французского посольства Фенелу был послан курьером в Париж, назначение было принято, и подтверждающий диплом с огромной печатью Наполеона прислан эрцканцлеру.

Когда об этой аванюре стало известно в Регенсбурге, от эрцканцлера отшатнулись все немецкие патриоты; оба капитула, которым было сообщено об этом назначении, высказались *ad astra*, что им не хватает необходимого согласия Рима. Когда я явился к князю по делам, он вышел ко мне довольно удивленным и воскликнул: «У нас же есть коадьютор, кардинал Феш!» «Я желал бы, чтоб это было именно так!» – ответил я. – «Во всяком случае, хорошо, что это не я!» Архиепископ почувствовал себя неуютно в Регенсбурге и укрылся в замке Верт на Дунае.

Моя кузина Луиза Штернберг посетила меня в Регенсбурге, чтобы осмотреть мое новое сооружение, которое близилось к завершению. Затем в начале июля мы поехали вместе с другом Феликсом по Дунаю в Вену, где я провел время с моими друзьями Брейнером, графом Мерси, Францем Вальдштейном¹⁷ и другими ботаниками Вены. 7 августа я вернулся в Регенсбург.

¹⁷ Франц де Паула Адам граф фон Вальдштейн (1759–1823) – чешский путешественник и ботаник. Собрал богатую ботаническую коллекцию, которую завещал Национальному музею в Праге (*Ред.*).

Тем временем осуществлялся бонапартовский план Рейнского союза. Эдуилль снова получил задание обработать эрцканцлера, которое он затем весьма энергично осуществлял. Эрцканцлер пребывал в нерешительности и жил в постоянном возбуждении, ибо голоса разделились поровну и его голос определял большинство. Один, в Верте, отдаленный от своих друзей, осаждаемый французской партией, он, как доктор Фауст, подписал договор с чертом и проиграл.

Я писал об этом 7 августа моей кузине Луизе Штернберг:

«14 июля, если не ошибаюсь, Наполеон повелел созвать всех министров Южной Германии и представил им общий документ из 40 статей, предварительно договорившись с некоторыми из них, с наказом подписать. Министры находились в некотором затруднении, поскольку их полномочия не предоставляли им такой свободы. Им отдали приказ подписать для спасения ратификации, что они и сделали за исключением министра Вюртемберга, который отговорился тем, что за это ему могут отрубить голову. Весь этот сомнительный товар был отослан курфюрсту, который за 48 часов почти потерял рассудок, в чем заверял меня его камердинер. Таким образом, он отказал Эдуиллю в подписи. Его поймали на слабости, сказав, что он мог бы облегчить судьбу многих несчастных, затронутых этим соглашением; устроили ему дождь писем из палаты Ветцлера, которая настойчиво просила его посредничества. Он уступил в химерическом восторге от добра, которое он может сделать столь многим несчастным, и от надежды, что это будет именно он, как архиепископ, кто будет дирижировать созданием новой федерации» и т.д.

Во время моей обратной поездки из Вены я узнал в Штраубинге, что случилось. Я прибыл в Верт, чтобы засвидетельствовать свое возвращение, и нашел князя с заплаканными глазами, обеспокоенного и расстроенного; он отказался остаться со мной наедине; я вернулся назад в Регенсбург.

Если судить по передвижениям войск и политическим событиям, войны с Пруссией было не избежать, и, в случае победы над ней, вероятно, войны с Россией. Эрцканцлер поехал во Франкфурт; за ним последовали министр Альбини и граф Бенцель. Граф Турн был все время болен; поэтому мне пришлось взять на себя обязанности наместника. После всего, что произошло, и в роковой момент, к которому мы приближались, для меня это оказалось слишком. В соответствии с моим образом мыслей и честью я считал, что обязан выйти из политических деловых отноше-

ний с эрцканцлером, который своими последними действиями подорвал доверие самых старых своих друзей. Привыкший всегда свободно и открыто сообщать ему мои взгляды, я перечеркнул свое место вице-президента 17 сентября с помощью следующего письма:

«Высокочитимый архиепископ и Примас!

Суверенный князь и господин!

С полной верой в великую милость, которую Ваше Высочество оказывали мне прежде, и в высокую дружбу, которой Вы меня удостоили, я впервые осмеливаюсь высказать просьбу, к которой вынудила меня сила обстоятельств. Ее исполнение, столь сильно мной желаемое и ожидаемое с уверенностью, причинит мне жестокую боль.

Из моих биографических данных, дозволение представить которые с откровенностью я имел по другому поводу, Вашему Сиятельству известно, какой путь предназначило мне Проведение. При каких обстоятельствах и с какой целью отказался я от уединенной жизни и занятий одними науками. Отказался, чтобы под эгидой Карла Дальберга посвятить себя делам маленького, но от этого не менее интересного государства Регенсбург, которое обещало достичь высшей степени благосостояния и процветания благодаря соблюдению постоянного нейтралитета, под руководством князя самого справедливого, бескорыстного, подчинившего деятельность правительства благу государства.

С усердием и энергией я стремился внести свою лепту в эту благородную цель, достижимость и близость которой казались основанными и закрепленными в ростках вновь возникшего, с трудом завоеванного государственного устройства.

Злосчастное стечение обстоятельств уничтожило эти прекрасные ростки до их созревания. С государственным устройством Рейха и немецким названием Регенсбург перешел в категорию покоренного народа, который вынужден принять законы завоевателя. Он несет на шее равное ярмо с соседними провинциями, не пользуясь даже той малой привилегией, чтобы быть прикованным цепью к какой-либо династии или череде правительств. Счастливейший малый народ стал игрушкой будущих событий, случая или построений одного человека...

В тот момент, когда немец должен сражаться против немца, чтобы сделать еще более неразрывными свои собственные путы, возмущено чувство каждого справедливого человека, и согнувшийся под столь многими несчастными судьбами дух стремится к покою и отдыху на ниве наук и природы. Лишь в удалении от лю-

дей, на согревающей груди непокоренной, вечно неизменной природы, в широком поле наук может в такие времена развеяться подавленный дух, вновь оживив в себе застывшие или вытесненные чувства.

Возможно, больше, чем кто-либо другой, я чувствую эту потребность, которая делает меня непригодным почти для любых государственных дел.

Под этим натиском обстоятельств, не делая даже особенного упора на мои семейные дела, да не прогневаются Ваше Сиятельство, если я осмелюсь обратиться с самой почтительной просьбой об отставке с поста вице-президента Управления земель.

Председательство в церковной комиссии по благотворительности, как дело добродетельной заботы, в котором сердце находит все же некоторое удовлетворение, если Вашему Сиятельству будет угодно, я сохранию с удовольствием. Так и в отношении наук: если нечто плодотворное должно будет все же состояться в Регенсбурге, я по первому зову буду готов посвятить мою службу музам и Родине.

В надежде на полнейшее удовлетворение моей просьбы остаюсь в глубочайшем почтении

Вашего Высочества всеподданнейший,
преданный и послушный
К. граф фон Штернберг.

Регенсбург, 17 сентября 1806».

Князь ответил собственноручным письмом:

«Высокородный граф, дражайший друг! «Разве будет лучше, если я в эти грозные времена уступлю моей неприязни к делам и откажусь от моего места?» – так спрашивал себя великий философ и вюртембергский министр Цильфингер и остался. Если это возможно, то не забирайте у доброго города Регенсбурга добродетельной энергии вашего высокого и благородного духа. Если это невозможно, то я должен, по видимому, сказать: «Господи! Да свершится воля Твоя!» и с благодарностью принять то, что Вы желаете продолжать заниматься системой благотворительности и научными учреждениями (которые, собственно говоря, в обоих случаях являются Вашим достижением). И все же я должен настоятельно просить, чтобы Вы не сразу оставили вице-президентство. Наш достойный восхищения друг граф Турн, к сожалению, часто болен, Альбини отсутствует, г-н фон Эберштайн, который после трех месяцев решил занять место графа Бенцеля, еще не поставлен на должность по действующему закону. Я надеюсь быть в Ре-

Маршал Сульт

генсбурге с конца октября. Остаюсь с глубоким уважением

Ваш друг Карл».

Я понял затруднительное положение, в котором находился князь, и потому посчитал своим долгом перед согражданами не бросать их в один из тяжелейших моментов. Французские армии снова были в Баварии и катились как снежные лавины на Регенсбург. Маршал Сульт с 27-тысячным корпусом, который через три дня должен был пройти через Регенсбург, расположил там свою штаб-квартиру. Однако и в эти три дня, которые я провел в ратуше, я не знал ни минуты покоя. Тем не менее все прошло быстро, без беспорядков. Когда из-за нехватки помещений я разместил *artistes cordonniers* (мастеров-сапожников) в зале собраний ратуши, где почти два столетия принимались важнейшие решения Рейхстага, мне вдруг вспомнилась комично звучащая латинская фраза *vicissitudines hujus mundi*¹⁸.

Моей кузине Луизе Штернберг я писал из Регенсбурга 4 октября:

«Вы полагаете, что я никогда не расстанусь ни с моим сувереном, ни с делами, и потому хотите, чтобы я оставался на месте! Я не расстался с ним, поскольку, несмотря на его политические ошибки, не знал лучшего среди смертных. Но я полностью расстался с ним в делах, поскольку его манера видеть и действовать, диаметрально

¹⁸ Перипетии этого мира (лат.).

противоположная моей, мне не подходит, и я больше не вижу способов делать добро при таком контрасте мнений. Как человек чести, я завершил свою карьеру в трудный момент, когда я был предоставлен самому себе. Я убежден, что добросовестно выполнял свой долг. Я не сожалею о том, что не остался до сих пор, и аплодирую себе, что совершил свой уход именно в этот момент. Лышу себя надеждой, что Вы придете к окончательному мнению на мой счет, когда опыт подскажет Вам, что тихий, спокойный человек, не захваченный амбициями, которому абсолютно хватает средств, находясь в добровольной отставке, найдет способ проводить время столь же полезно изучая природу и детей Флоры, как с документами своего учреждения, и, возможно, более приятно. Ни о ком современники почти никогда не судили справедливо; тот, кто возьмет на себя труд написать мою биографию, когда меня больше не будет, найдет в моих бумагах, как объяснить и оправдать мое поведение. Я ухожу, поскольку больше не вижу спасения для нынешнего Регенсбурга и осуждаю политику моего суверена – в остальном человека доброго, благонамеренного, ученого, активного, желающего блага человечеству и всегда готового прийти на помощь; я люблю его и буду любить всегда. Вот почему, обрывая мои формальные связи, я берегу личные отношения. Я заплатил этот долг дружбы человека чести. Я оставляю ему время на то, чтобы увидеть нужды государства и принять меры, от которых не останется прорех в делах. Моя совесть спокойна, и я ухожу от дел».

В результате битвы при Йене (14 октября) судьба Северной Германии была решена. Эрцканцлер не вернулся в Регенсбург, но прислал из Франкфурта приказ, чтобы в соборной церкви был исполнен *Tedeum*¹⁹ по поводу победного сражения у Йены. В тот же день, 15 ноября, я во второй раз написал о своей отставке:

«Надежда вновь увидеть Ваше Высочество к концу октября в Регенсбурге оказалась напрасной и на ближайшее время ничем не подкреплена. Напротив, сбылись все печальные ожидания, которые я высказал в моем письме от 17 сентября: их предполагавшиеся последствия сегодня уже превзойдены.

При этих обстоятельствах Ваше Сиятельство само сочтет последовательной мою повторную просьбу о всемилостивейшем отстранении меня от должности вице-президента в Управлении земель.

Я еще чувствую в себе силы сделать что-то в области науки: однако мне необходимо использовать для этого время, когда физические силы еще находятся в равновесии с духовными способностями. Поездки естественнонаучного характера с более широким охватом, которые я собираюсь предпринять, если у меня не будут изъяты все средства, требуют должной и необходимой подготовки.

Чем было вызвано во мне это стремление к далеким Альпам, как оно выросло теперь до категорического императива, которому я вряд ли смогу более противиться, уже известно Вашему Сиятельству. Поэтому мне не остается ничего другого, как вновь обратиться с неотложным запросом о милостивом удовлетворении моей просьбы, и в дальнейшем уповать лишь на высокую милость и благосклонность».

На это князь ответил собственноручным письмом от 19 ноября:

«Вы благородный, превосходный человек и обязаны следовать Вашим собственным убеждениям. Теперь Вы будете служить человечеству в Вашей единственной профессии горячего друга истины и просвещенного покровителя наук. Неизменным был и остается наш договор в отношении научных учреждений в Регенсбурге. Я рад и горд действовать в этом направлении совместно с моим столь благородным другом. Я есть и остаюсь, пока жив, сердечно Вашим, Карл».

Благородная манера, с которой расстался со мной князь, сделала ему честь и порадовала меня. 26 ноября я в последний раз появился в ратуше и объявил о своей отставке в краткой речи, которая глубоко растрогала как оратора, так и его слушателей. Моя отставка вызвала сенсацию в Регенсбурге, где, как человек дела, я пользовался доверием жителей.

(Прощальная речь.) «Высокопочтимые господа! Его Сиятельство господин князь-примас милостиво пожелал в ответ на мои неоднократные просьбы освободить меня от должности вице-президента Управления земель, как следует из указа, зачитанного высокопочтимым господам земельным советникам.

Я с умилением оглядываюсь назад, на некоторые сбывшиеся надежды, которые я с восхищением упомянул с этого места при приведении к присяге Управления земель.

Всем этим мы обязаны твердой воле суверена, деятельному сотрудничеству земельных отделений, государству и жителям, и я рад быть товарищем этих ростков вновь нарождающегося общего духа.

¹⁹ Католический гимн «Тебя Бога хвалим» (лат.).

Я никогда не забуду прекрасный союз, который связывал нас в течение четырех лет общей целью споспешествовать всему наилучшему.

С глубокой признательностью благодарю я вас, господа мои, за действенную поддержку во всех делах, но особенно – за личное доверие и привязанность, которые вы мне доказывали при каждой возможности.

Эти чувства, всегда разделяемые мной в полной мере, никогда не забудутся даже за стенами коллегии.

В деятельной, спокойной жизни моего будущего пути, на который властно влекут меня врожденная склонность и дух времени, я не перестаю быть верным цели, которая однажды привела меня на это место. Различными средствами при изменившихся обстоятельствах я буду стремиться, насколько позволят силы, действовать ради процветания Регенсбурга, моей второй Родины, где я прожил счастливейшие дни моей юности и 24 полных деяний года. И под моей виноградной лозой и под моим фикусом я сохраню неизменное отношение восхищения и дружбы к вам, господа земельные советники, и буду благословлять каждый день, который даст мне средства представить вам деятельные доказательства моих самых глубоких чувств. Да не сотрется память обо мне и в ваших сердцах!»

1807

В зимние месяцы я занимался в основном гальваническими экспериментами по получению калийных металлов вместе с профессором Плацидусом Хайнрихом²⁰ из Санкт-Эммерама, по поводу чего, как и о гальванизме вообще, я вступил в переписку с академиками Риттером и Геленом в Мюнхене и с моим братом.

Лишь только наступила весна, я занялся своим садом; количество растений в котором так выросло, что мне пришлось построить еще одну оранжерею. Господин фон Лёв, который провел зиму в Регенсбурге со своей женой и тестем бароном Диде, поддерживал меня советом и делом в моих ботанических делах. Фрау фон Лёв решилась от бремени дочкой, которой я стал восприемником от купели; ее колыбель была украшена цветами из моего сада. Барон Диде все больше заболел, но все же решил посетить свою самую старшую дочь графиню Ранцау в Киле.

В апреле месяце я и весь Регенсбург понесли большую утрату из-за смерти барона Гляйхена. В

Плацидус Хайнрих

мае месяце я поехал в Прагу, где нашел доктора Йохана Майера, который столько сделал для расцвета наук в Богемии, в очень расстроенном состоянии здоровья, из-за чего он и скончался в июне месяце. После краткого пребывания я поехал со своим другом графом Клам-Мартиницем в Теплиц и Карлсбад и вновь вернулся домой через Франценсбад.

В июле был заключен Тильзитский мир, который так ужал Пруссию, что было легко предсказать, что это насильственное состояние не продержится долго. Народ, особенно в Гессене и вообще на севере, уставший от силового давления, начал думать о том, чтобы в отдельных случаях избавиться себя от него насилем же.

Прибыл бюст Кеплера от Дёлля; ожидали лишь еще барельеф, чтобы открыть и освятить памятник. Заседания Ботанического общества проходили в течение лета в моем саду, где я уже выставил маленькую справочную библиотеку по ботанике.

В сентябре месяце я поехал вместе с профессором Дювалем в Мюнхен и оттуда с графом де Брэ и бароном Фраунбергом в графство Верденфельс, чтобы исследовать изменения температуры альпийского ручья от его начала до устья. Мы выбрали Партнах, который у Гармиша впадает в Луазах и начинается на вершине под высокогорным ледником. В четыре часа утра температура воды в устье Партнаха была +8, а в восемь часов вечера мы обнаружили воду +3 в источнике под

²⁰ Плацидус (Йозеф) Хайнрих (1758–1825) – немецкий естествоиспытатель, известный своими работами по оптике, метеорологии и метрологии (Ред.).

Ручей Партнах, современный вид (фото Д. Писанко)

сосулькой, свисающей со свода ледника. Мы переночевали под открытым небом недалеко от источника 14 сентября, при температуре воздуха +13, и отправились дальше на следующее утро через вершину горы в Луаташ в Тироле по тропе контрабандистов, которая вела мимо пропасти. Тропа привела в некоторое замешательство нашего друга Фраунберга, который не был ботаником и боялся высоты. Все же мы вернулись с богатой добычей альпийских растений через Шарниц обратно в Гармиш. Граф де Брэ опубликовал сообщение об этой экскурсии в виде описания поездки. Мой брат был в этом году в Карпатах и венгерских горных селениях; отчет о его поездке также появился в печати. На будущий год мы назначили друг другу rendez-vous в Каринтских Альпах; он хотел проехать из Вены на адриатическое побережье и оттуда через Бляйберг, а я –

через Зальцбург. Я начал работать над монографией о саксифрагах (камнеломках). Чтобы ее закончить, мне нужно было изучить на месте те самые виды, которые описал Вульфен в *Collectanea* и *Miscellanea* Жакена.

После моего возвращения меня посетила моя кузина и радовалась уже законченному и меблированному дому. Та комета, которая особенно хорошо была видна этой осенью, наблюдалась с плоской части моей крыши каждый безоблачный вечер через Райхенбаховский ахромат²¹.

30 ноября мой старый друг барон Диде скончался в Ганновере на обратном пути от дочери. Таким образом, этот год похитил у меня трех вернейших друзей: Гляйхена, Майера и Диде.

²¹ Разновидность оптического телескопа (*Ред.*).

(Продолжение следует)